

Писатель и жизнь

Настоящий писатель всегда живет всеми интересами своего времени, всей жизнью своего народа, всеми волнениями, страданиями, поисками человечества.

ей. В задачи газеты входит мобилизация общественного мнения во всем мире против современных поджигателей войны, против буржуазных теорий расового превосходства и господства, столь усленно распространяемых сейчас американскими фашистами.

Не буржуазное общество отводит художнику, литератору жалкую роль. Оно стремится увести его от подлинной жизни эпохи, от большой, общественной, мировой политики — для того, чтобы он, в свою очередь, уводил от жизни и борьбы читателей. Апологичность искусства — типичная черта буржуазии.

Утверждать коммунистическую мораль советских людей, поддерживать передовое и новаторское решительно во всех отраслях социалистической культуры и строительства, пропагандировать живой пример творческой инициативы передовиков науки, искусства, народного просвещения, промышленности, сельского хозяйства — таковы важнейшие задачи всей писательской общественности и таковы цели «Литературной газеты».

Аполитичное искусство уродливо, оно может изображать только уродцев, откалывших от полноты жизни, от главного, чем живет человечество, и делают такое искусство тоже уроды, унылы и однообразно разнообразными саргры, чья типичная мертвенная опустошенность призрачески жеманит румянцами «литературной» умености, ничего общего не имеющей с истинной творческой одаренностью.

«Литературная газета» ставит своей целью утверждать всеобъемлющую силу великого учения Ленина — Сталина в общественном развитии человечества и мировой науки. Газета будет разоблачать лженаучные буржуазные теории и бороться со всеми искажениями учения Ленина — Сталина.

В нашей стране искусство и литература поставлены на высокое место в жизни народа. Советский писатель не только живет всеми интересами своего времени, — он имеет возможность реально вмешиваться в действительность, он непосредственно, активно участвует во всей политической жизни страны, он является общественным деятелем именно потому, что он — литератор.

«Литературная газета» будет освещать мировую роль советской литературы, как провозвестницы новой коммунистической морали человечества, бороться за большевистскую партийность литературы и искусства, укреплять связи советских писателей и всех деятелей искусства с народной жизнью и современностью, бороться за повышение идейного и художественного уровня советской литературы и искусства. На страницах газеты должны вести творческие дискуссии по острым вопросам культуры, идеологии, науки, литературы, искусства.

Именно с целью содействия все более активному вторжению литературы во все стороны советского бытия, Союз советских писателей СССР принял решение реорганизовать свой печатный орган — «Литературную газету» — в газету литературную и общественно-политическую.

Советские писатели являются одним из отрядов многонациональной армии советской интеллигенции. «Литературная газета» должна стать газетой, нужной и близкой всем слоям советской интеллигенции. Мы рассчитываем на широкое сотрудничество в нашей газете научных работников и учителей, инженеров и врачей, агрономов, офицеров Советской Армии и Флота, мастеров труда на заводах и в колхозах, стахановцев социалистической индустрии и сельского хозяйства, артистов, художников, сотрудников советских учреждений, студентов и аспирантов. Мы придаем большое значение переписке с читателем — и на газетной странице, и в личном, индивидуальном порядке. Вместе с нашим читателем мы будем осуществлять задачи нашей газеты, издаваемой в самой демократической стране мира. Мы не сомневаемся в том, что и наши друзья за рубежом советской страны, представители славянских и всех других свободных народов, поддерживают «Литературную газету» в ее борьбе против поджигателей войны, против реакции, за мир во всем мире, за культуру, за братство, дружбу и счастье народов.

«Литературная газета» должна пропагандировать советскую социалистическую культуру и ее все возрастающее мировое значение, разоблачать реакционную сущность современной буржуазной культуры. Газета должна утверждать идеи советского патриотизма и национальной гордости советских людей, вести борьбу против всех явлений низкопоклонства перед западней, освещать вопросы советской демократии и показывать ее превосходство над антинародной буржуазной демократией.

Советские писатели отдадут все свои силы борьбе за советскую демократию, за победоносное движение нашей Родины по сталинскому пути, по пути к коммунизму.

В. ВЕЛИЧКО

Хлеб 1947 года

В лютые холода, в пургу 1941 года немцы отступали от Москвы. На их плечах сидела Красная Армия. Катастрофа нависла над немцами. В те дни советский народ увидел образ грядущей победы.

явиться здесь жизни. Кажется, никому не пробудит здесь ни единого живого звука. И вот ожила земля, явились к жизни новые села, заросли шрамы на теле людей и на теле их земли, родилась песня. Вдохновенный труд властвует там, где царил ужас. Все возрождено. Перед миром предстало величие колхозного строя, величие социализма, перед миром предстал советский человек — великий коммунист и великий творец.

Цепляясь за советскую землю, стараясь выдержаться, немцы создавали на пути своего отступления так называемую «зону пустыни». Уничтожалось все живое, все растущее, все, что напоминало о жизни; не оставалось ни одного дерева, ни одного столба в селениях; города взрывались динамитом. Зона пустыни...

Надежды, которые так глубоко хранили в своем сердце советские люди, надежды на колхозы — сбылись. Надежды врагов, надежды, которые так глубоко хранили в своих черных душах и так любовно делали своих врагов и недоброжелателей — германские, английские и прочие, — провалились. «Зона пустыни» цветет! Она дает хлеб. На ней явилась жизнь, вызванная силой советских людей — их трудом и их любовью. И отсюда, где проходили немцы, оставляя за собой пепелища, — Львовская область, Харьковская область, Тернопольская область, Подполье — и отсюда тоже рапортует И. В. Сталину о великой победе в битве за хлеб. Государственные планы выполнены, они выполнены досрочно и несравненно раньше, чем в какие-либо другие годы, планы перевыполнены.

По замыслу немцев, она должна была остановить Красную Армию. То были немцы. Но были и другие «немцы». Они сидели в Англии и тоже ждали, что зона пустыни оставит Красную Армию. Их надежды были коварны. В зоне пустыни, где фашисты, казалося, вытравили всякую жизнь, должна была лечь костями Красная Армия. И тогда лондонские немцы должны были продиктовать Советскому Союзу свою волю.

Нельзя переоценивать этого события. Страна, наш народ поднялись на новую ступень, открыли новые горизонты. Социализм сделал исторический шаг вперед. Нет, не могли не сбыться наши надежды на колхозы, на их силу, на силу нашего строя. Нет, не могли сбыться надежды наших врагов — надежды на гибель колхозов. Колхоз сжечь можно. Но нельзя колхоз умиротворить, ибо нельзя погасить пламенную душу советского человека. Мы и наша дела не подвластны смерти. Вдохновенное партийное большинство, великий Сталин, наше колхозное крестьянство, совершив подвиг, добились исторической победы в борьбе за хлеб. Благодаря родина не позабудет этого подвига. Врагам и недоброжелателям нашим показан урок того, как гибнут они и оправдываются другие надежды.

Этих немцев возглавлял Уинстон Черчилль.

1947 год, осень. 16 сентября газеты столицы нашей родины — Москва опубликовали письма к товарищу Сталину о перевыполнении многими областями государственных планов хлебозаготовок, о выполнении обязательств по хлебоблаговатам, взятых колхозниками в весенних письмах к товарищу Сталину.

Это документы величайшей силы. Минская область, Витебская область, Полоцкая область, Молодеченская область, Бобруйская область, Гродненская область — вся Белорусская республика, ведь это область той самой страшной зоны пустыни. Они рапортуют товарищу Сталину о победе! Еще, кажется, дымятся голошевки на местах, где стояли села, взор еще видит развалины, печи жилищ, сожженных немцами. Еще звенит на ветру и скрежещет ржавая проволока минных полей, и страшные трагедии, как морщины, лежат на живом теле земли, сожженной, истерзанной и волотой кровью. Рубежи... сапы... Кажется, ве-

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 39 (2354)

Суббота, 20 сентября 1947 г.

Цена 50 коп.

С кем вы, американские мастера культуры?

Открытое письмо

Писатели, деятели культуры Соединенных Штатов Америки! Мы обращаемся к вам с этим открытым письмом потому, что мы в тревоге за судьбы культуры, за судьбы человечества. Мы не хотим ни скрывать от вас своей тревоги, ни закрывать глаза на те новые опасности для судеб культуры, которые одна за другой стали возникать тогда, когда только что кончилась война с самым непримиримым врагом человечества — фашизмом.

Мы глубоко убеждены в том, что демократический американский народ в подавляющем своем большинстве не разделяет и не хочет разделять все то, чем позволяют себе говорить и кричать от его имени американские последователи старых фашистских идей. Если бы мы не были в этом убеждены, то это письмо было бы бессмысленным писем.

Мы острее других чувствуем эти опасности. Страна, которую мы представляем, переживает в борьбе за культуру против фашизма такие неимоверные испытания, претерпевает такие бедствия и понесла такие потери, что мы не можем и не имеем права не замечать новой угрозы.

Мы знаем, что ваш народ был и будет противником фашизма во всех его видах и формах. Мы не сомневаемся и в том, что лучшие деятели культуры, — а они всегда с народом! — тоже были и будут врагами фашистской теории и практики.

Мы хотим говорить открыто и прямо, без всяких умолчаний, говорить так, как в человеческом обществе полагается говорить друг с другом честным людям, еще всего два года назад сражавшимся рядом, — как полагается говорить представителям великих народов, которые еще недавно вместе проливали кровь в борьбе против одного и того же врага.

По мы ишим вам это письмо потому, что мы встревожены молчанием многих из вас. Защитники и друзья фашизма в вашей стране говорят в последнее время очень много, часто и громко, а голоса представителей подлинной американской культуры, врагов фашизма, доходят к вам не так часто.

Нас, с точки зрения будущих судеб культуры, не может не тревожить очень многое из того, что исходит от руководителей общественных кругов вашей страны, выходит далеко за ее пределы и затрагивает мир в целом. Мы просим вас задуматься над тем, что после окончания войны с фашизмом именно в вашей стране нашлась люди, которые, облекая это в другие внешние формы, по существу проповедают и все больше осуществляют на практике те самые бесчеловечные идеи, которые проповедал и осуществлял разбитый нашими народами немецкий фашизм.

Писатели, мастера культуры — это совесть человечества. Могут ли они молчать, если война, которая, казалось бы, уже третий год как закончена, все еще продолжается. Третий год, как были подписаны акты о том, что в мире не должно больше проливаться кровь народов, — и третий год, как в разных концах земного шара каждый день льется кровь детей, женщин и мужчин, простых людей, ни в чем не повинных, кроме того, что они имели несчастье родиться в Греции, Индонезии, Китае. И разве не ясно, что огромная доля ответственности за человеческие жизни, погубленные и погубящие в разных концах земного шара, ложится на тех, кто от имени своего народа осуществляет сейчас фашистские идеи.

Идеи фашизма, основанные на культуре грубой силы, на расовой дискриминации, на теориях мирового господства «избранной» расы, на искусственно воспитываемом презрении к другим народам, к их истории, культуре, государственному устройству, на отрицании их национально-го суверенитета и беспринципном вмешательстве в их внутреннюю жизнь, — все эти идеи в последнее время настойчиво входят своим защитникам и проповедникам среди виднейших государственных деятелей — дипломатов, военных, промышленников, журналистов и даже ученых вашей страны.

К миллионам жертв немецкого фашизма прибавляются каждый день — после разгрома гитлеровской Германии — все новые и новые жертвы. Неужели это и есть тот памятник, которого заслужили вы и наши соотечественники, честно сложившие голову в битве с гитлеризмом? Мертвых нельзя оживить. Их можно только оскорбить и унижить в их погитах, пытаясь сделать бессмысленным то, за что они умерли.

Разве не родственна фашистским идеям нетерпимость к тому, что в других странах могут существовать иные идеалы и иные порядки, чем в Соединенных Штатах Америки? Разве не родственны фашизму призывы к новой войне, доносившиеся к нам из вашей страны, призывы, всю чудовищность которых ныне из вас, быть может, сами перестали замечать оттого, что они стали — увы! — привычным и повседневным явлением.

Но живых можно обезопасить. И каждый голос деятеля культуры, поднятый в защиту мира и дружбы народов, — это голос в память погибших и во имя жизни живых.

Разве не родственна фашистским идеям претензия на мировое господство, на так называемый «американский» век, на установление «нового порядка» в мире — претензия, подкрепленная угрозами, а в ряде случаев и применением грубейшего насилия над народами? Разве не слышим мы изо дня в день от многих деятелей вашей страны, что повсюду в мире должны быть введены американские общественные порядки, что только они хороши и удобны для человечества, и разве все это не является воспроизведением постыдной теории и практики фашизма?

Нельзя молчать, если после войны с фашизмом возможны такие видения, — не в страшном сне, а наяву, — как головы греческих детей, выставленные на показ в городе Спарте выставленными молотками, бережно сохраняемыми у власти всей силой американского доллара. Можно ли молчать, когда в мире гремит пушки и гонимые войска под покровительством доллара сжигают жилища 6 миллионов индонезийцев, и в Китае рубят головы патриотам, и в Испании расстреливают республиканцев, и в Нюрберге фашисты бросают бомбы в здание суда, а в Нью-Йорке американский делегат Обединенных наций заявляет, что «борьба с фашизмом вышла из моды».

Разве не родственна фашизму призывы к новой войне, доносившиеся к нам из вашей страны, призывы, всю чудовищность которых ныне из вас, быть может, сами перестали замечать оттого, что они стали — увы! — привычным и повседневным явлением.

Одновременно с этим американский генерал восхваляет бактериологическое оружие, удобное тем, что его «нельзя купить».

Разве не родственны фашизму призывы поскорее использовать атомную бомбу против стран, в которых существуют иные порядки, чем в Соединенных Штатах Америки?

В. Васильевская, В. Шивневский, Б. Горбатов, В. Катаев, А. Корнейчук, Л. Леонов, Н. Погодин, К. Симонов, А. Твардовский, А. Фадеев, К. Федин, М. Шолохов.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

НИВ. (От нашего спец. корреспондента). 15 сентября открылся пленум Союза советских писателей Украины.

достижения украинской литературы, выразившиеся в расцвете художественной прозы, в появлении интересных поэтических и драматургических произведений, многие из которых написаны молодыми писателями, пленум одновременно вскрыл ряд серьезных недостатков в работе литературных организаций Украины. Главным из этих недостатков, как подчеркивали единодушно все выступавшие в прениях, было отсутствие подлинной большевистской бдительности, несвоевременное реагирование на рецидивы буржуазного национализма, имевшие в последнее время место в творчестве отдельных писателей.

С содержательным докладом об итогах развития украинской литературы за период, прошедший после решений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», выступил председатель правления ССП Украины А. Корнейчук.

Обсуждение доклада А. Корнейчука носит исключительно активный характер, отличается высокой принципиальностью высказываний, партийной страстностью, глубокой анализом процессов, характерных для советской литературы в целом и украинской, в частности. Отметив большие достижения украинской литературы, выразившиеся в расцвете художественной прозы, в появлении интересных поэтических и драматургических произведений, многие из которых написаны молодыми писателями, пленум одновременно вскрыл ряд серьезных недостатков в работе литературных организаций Украины. Главным из этих недостатков, как подчеркивали единодушно все выступавшие в прениях, было отсутствие подлинной большевистской бдительности, несвоевременное реагирование на рецидивы буржуазного национализма, имевшие в последнее время место в творчестве отдельных писателей.

Обсуждение доклада А. Корнейчука носит исключительно активный характер, отличается высокой принципиальностью высказываний, партийной страстностью, глубокой анализом процессов, характерных для советской литературы в целом и украинской, в частности. Отметив большие достижения украинской литературы, выразившиеся в расцвете художественной прозы, в появлении интересных поэтических и драматургических произведений, многие из которых написаны молодыми писателями, пленум одновременно вскрыл ряд серьезных недостатков в работе литературных организаций Украины. Главным из этих недостатков, как подчеркивали единодушно все выступавшие в прениях, было отсутствие подлинной большевистской бдительности, несвоевременное реагирование на рецидивы буржуазного национализма, имевшие в последнее время место в творчестве отдельных писателей.

Нет, не могли не сбыться наши надежды на колхозы, на их силу, на силу нашего строя. Нет, не могли сбыться надежды наших врагов — надежды на гибель колхозов. Колхоз сжечь можно. Но нельзя колхоз умиротворить, ибо нельзя погасить пламенную душу советского человека. Мы и наша дела не подвластны смерти. Вдохновенное партийное большинство, великий Сталин, наше колхозное крестьянство, совершив подвиг, добились исторической победы в борьбе за хлеб. Благодаря родина не позабудет этого подвига. Врагам и недоброжелателям нашим показан урок того, как гибнут они и оправдываются другие надежды.

Во время пребывания в Ленинграде гости посетили Музей обороны Ленинграда. Двое рец пионеров, Эрмитаж, присутствовали на торжественном пуске в Петроградские восстановленные фонтаны.

Во время пребывания в Ленинграде гости посетили Музей обороны Ленинграда. Двое рец пионеров, Эрмитаж, присутствовали на торжественном пуске в Петроградские восстановленные фонтаны.

МАРШАЛЛСКИЙ ЖЕЗЛ или реконструированная Статуя свободы... рук.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

ГАРРИ ТРУМЭН

Борис ГОРБАТОВ

Человек, который любит галстуки, завязывающиеся бантом, и носит бороду на два дюйма короче общепринятой нормы, и более ничем уже не примечательный внешне, — прибыл первого сентября нынешнего года в Рио-де-Жанейро. У него было бесцветное лицо багиста, доставляющее много хлопот ретушерам из «Лайфа», и о нем было известно, что он самый средний из всех средних американцев и самый провинциальный из всех миссисурцев.

Если бы было принято встречать человека по тому, каков он есть и чего в самом деле стоит, — никто в Рио-де-Жанейро не заметил бы приезда этого человека. Но по странной игре судьбы этот маленький человек был президентом Соединенных Штатов Америки, и обитателем Рио-де-Жанейро, падал на мостовую Грэмели оркестры, падал на мостовую дождь цветов и снег листовок, и на всех зданиях города красовались огромные портреты Трумэна, президента США, и Дутра, президента Бразилии. Президенты были рядом, оба улыбались, и это было особенно трогательно, если вспомнить, что Трумэн еще недавно любил называть себя скромным учеником великого Рузвельта, а Дутра был пожалован крестом от Гитлера и орденом от Муссолини.

Второго сентября президент Дутра ввел президента Трумэна на межамериканскую конференцию, и Трумэн своим слегка гнусавым и скрипящим голосом деревенского проповедника прочел очередную речь, написанную для него, как всегда, Кларком Клиффордом. Гарри Трумэн разъяснил свой «курс».

Он объявил, что ему не нравится мир после войны. Он недоволен Европой. Если Греция еще утешает его, то новые демократии определенно расстраивают. Он сделал несколько выпадков против СССР (не называя его, однако) и уже совсем, как Черчилль, затрел оружием: «Соединенные Штаты», — сказал он, — полны решимости оставаться сильными в военном отношении».

Но кто же он такой, этот новый апостол империализма?

Американцы любят говорить, что в их демократической стране каждый может стать президентом. Для этого не нужны ни титулы, ни доллары — достаточно иметь государственные таланты.

Какие же таланты помогли Гарри Трумэну стать президентом? Какими чертами гения отмечен этот маленький и старомодный миссисурец? Что выдвинуло его из миллионов соотечественников и привело в Белый дом?

Гарри Трумэн родился в 1884 году в семье фермера. В школе он не отличался особыми способностями, но был на редкость послушен и привлекателен. Его поведение было примерным. Он был серьезным мальчиком в очках, не Томом Сойером, но Сидом — чинным, благовоспитанным и скучным.

Окончив среднюю школу, он хотел поступить в военную, в Вест-Пойнте, но у него было слабое зрение.

С детства он добросовестно играл на фортепиано, но музыкантом не стал — не хватало ни таланта, ни воображения.

Потому что стал клерком в банке и, получая свои 25 долларов в неделю, был вполне доволен судьбой. «Это было самое счастливое время моей жизни», — признается он. Он и не мечтал о большем!

В апреле 1917 году Трумэна призвали на войну. Он не проявил здесь чудес храбрости, но был исправным и исполнительным капитаном батареи.

Демобилизовавшись, он вернулся домой, женился и открыл галантерейную лавку в Канзас-Сити. Но галантерейщик оказался для него слишком грандиозным предприятием. Он разорился и потерял все свои и чужие деньги. Впрочем, через 13 лет он вытратил долги.

Обанкротившись в торговле, он решил попытаться счастья в политике. Говорят, что в 1922 году он был членом Ку-Клукс-Клана. Трумэн категорически отрицает это сейчас. Достоверно известно, что он был масоном. При этом он оставался демократом.

«Боссом», хозяином демократической партии в Канзас-Сити, был Том Пендергаст. Что ни говори, это была колоритная фигура. Он «делал выборы». Он командовал избирательным аппаратом своей партии, «самым продажным из всех продажных в истории», и умел заставить голосовать привидения: давно умершие люди даже никогда и не жили на земле люди значились в его списках избирателей и «голосовали» так, как было угодно Тому. Победа партии на выборах означала — всякий раз смену всего государственного аппарата — от губернатора штата до начальника почтового отделения. Все эти должности были в руках Тома. Он торговал ими. Он делал губернаторов, сенаторов, судей. Он сделал и Трумэна.

Без Тома Пендергаста Трумэн никогда и нигде бы не выдвинулся. Том Пендергаст дал ему сначала маленькое дело — назначил дорожным инспектором, пять долларов в день. После дождя Трумэн счищал машины грязь с дорог. Потом Том «избрал» его судьей графства Джексон.

Он пробовал на этом посту восемь лет, а затем «попросил Пендергаста выдвинуть его на пост более выгодный в материальном отношении». Трумэн имел в виду пост «борщика налогов». Но Том Пендергаст был ларен с юмором. Он решил сделать Трумэна... сенатором.

Он сказал при этом: — Мне хочется продемонстрировать, что хорошо смазанная машина может сослать в сенат даже постыльного.

Машина Тома была хорошо смазана. На выборах 1934 года в трех округах, контролируемых Пендергастом, Трумэн получил 40.812 голосов. Они-то и дали ему победу. Посылая посылку в сенат, Трумэн в Америке стали называть Гарри Трумэна «мальчиком на посылах у Пендергаста».

Только через десять лет открылась вся история этих «выборов». Расследованием было установлено, что в округе, где Трумэн получил 40.000 голосов, имели право голоса только 25.000. Пятидесятая тысяча были «привидениями Тома Пендергаста». Но Том Пендергаст уже в могиле, а Трумэн в Белом доме.

Попав в сенат, Трумэн сдлеп следовал приказам Пендергаста. Он держал язык за зубами и отличился в сенате только одним — молчанием. Три года никто не слышал его голоса. Он взял слово только для того, чтобы защитить Пендергаста. Хозяин попал в беду. Его машина стала открыто воровать налоги. Он угодила в тюрьму. Гарри Трумэн сделал все, что мог, для своего босса.

Выбором 1942 года у «мальчика на посылах» уже не было выбора. Ему грозило поражение. Привладея больше не могли голосовать за него. Он почувствовал себя маленьким и беспомощным. Жалобно взываясь он по сторонам, подыскивая себе хозяина. И — нашел его.

Это был Роберт Хеннеган, сын полицейского из Миссури. У него была алкая репутация.

Хеннеган был «наиболее дискредитированным боссом наиболее дискредитированной политической машины».

Хеннеган стал боссом Трумэна. Он помог ему снова пройти в сенат, натравив двух его соперников друг на друга и расколов голоса. Трумэн получил незначительное большинство.

Попав снова в сенат, Трумэн немедленно отблагорадил своего хозяина. Вопреки общественному мнению, он сделал его «борщиком налогов» в Сен-Луи. Хеннеган пошел далеко. Через несколько лет он уже был председателем Национального комитета демократической партии и руководившим делегацией тайной и могущественной клики «Тамани-холд», делающей президентов. Этот босс и сыграл решающую роль в избрании Гарри Трумэна вице-президентом.

Так делалась карьера мальчика на посылах. Работелем перед боссом — вот его сударственный талант, которым в совершенстве владел Гарри Трумэн. Послушание и стоворичность, бесконечная готовность преданно служить и угождать хозяину с Уолл-стритом — вот что, в конечном счете, и привело маленького миссисурца в Белый дом.

В июле 1944 года на съезде демократической партии разразилась острая предвыборная борьба. Кандидатура президента не вызвала сомнений, им мог быть только Рузвельт. Спор шел о том, кому быть вице-президентом.

Два лагеря стояли лицом к лицу: прогрессивный во главе с Рузвельтом и реакционный во главе с южными демократами. Реакционеры требовали пересмотра экономической программы Рузвельта, отмены контроля над ценами, признания превосходства белой расы и привилегий Южных Штатов. Их кандидатом был Джеймс Бирнс. Кандидатом прогрессивного лагеря был Генри Уоллес. Его поддерживал и Рузвельт.

Но Уоллес был абсолютно непримлем для реакционных демократов. Столь же непримлем для Рузвельта и его лагеря был Бирнс, матерый реакционер.

Партия грозила раскол. Слишком ясными и определенными были фигуры обоих кандидатов. Нужно было найти фигуру компромиссную и, лучше всего, бесцветную. Хеннеган вспомнил «мальчика на посылах» и выдвинул его.

Гарри Трумэн оказался подходящей фигурой, — он фигуры не имел. Он был типичный «дитя компромисса». Он даже родился в пограничном штате Миссури, на границе между Севером и Югом.

После избрания Гарри Трумэн немедленно позволил своей престарелой матери. — Будь хорошим мальчиком, Гарри! — сказала ему мать.

И он старался быть «хорошим мальчиком». Он «плыл по течению».

Но 12 апреля 1945 года внезапно «упряжке», как говорят американцы, скончался президент Рузвельт, и президентом автоматически стал Гарри Трумэн, маленький судья из Джексона.

Он стоял в зале Белого дома рядом со своей крупной женой и дочерью, подавленным и растерявшимся, а на него с любопытством и ожиданием смотрел весь мир.

Тень великого президента распростерлась над ним. Прогрессивная Америка ожидала, что Трумэн сохранит верность этой тени. «Он унаследовал манера Рузвельта, он будет верен ему».

Но реакция предвещала совсем другие надежды. «Нью-Йорк таймс» возмущался огромными буквами: «Предвещает повтор «врагов» Миссурицев умирит проекты Рузвельта» — писали в провинции. Сам Трумэн определил свою позицию так: «Несколько левее центра». Пертикас тотчас же поправил его: «Направо от центра».

А на Уолл-стрит поспешили над всеми эти заявления и пророчествами. Они знали, какой курс возьмет Трумэн: тот, который они ему продиктуют.

Первые дни в Белом доме были для Трумэна медовым месяцем. Американцы оказали ему величайшее снисхождение. Ведь не виноват же он, в самом деле, что случайно стал президентом. Все знали, что он не гений, и ничего не ждали от него. Его ханжеские речи импонировали большинству американцев, им нравились его смиренный вид, и каждый галантерейщик, записывая лавку, имел удовольствие думать, что, будь у него время, он и сам мог бы стать президентом. — ведь не хуже же он, чем тот галантерейщик в Белом доме, по крайней мере он-то не обанкротился!

Но у мальчика на посылах закружилась голова, он стал делать ошибки.

Он слишком долго держал язык за зубами, пришла охота поговорить на пресс-конференции — это показалось неосторожным. Он окружил себя темными людьми из Миссури — это не понравилось. Он быстро и безропотно подчинился Бирнсу, Ванденбергу, имел «приятные встречи» с Гувером — это встревожило демократов.

На конференции в Потсдаме он, как школьник, робко поглядывал на Бирнса — это показалось смешным. Внезапно он вдруг бросил все дела и поехал путешествовать по США. Тут он полностью удовлетворил свою страсть фотографироваться. Репортеры писали, сколько друзей посетил президент, сколько проиграл в покер и как клевалал рыбки. — это показалось уж совсем легкомысленным.

Медовый месяц кончился, снисхождение и «искусло, туман рассеялся, — президент был гол и смешон.

«Трумэн был столько раз овиствен, как вероятно, ни один из американских президентов за всю историю страны», — констатирует биограф Трумэна Трис Коффин.

Корреспондент нью-йоркской газеты печатал заявление железнодорожника из Лонг-Айленда: «Сдесь у нас Трумэна не избрало бы даже смотрителем общественных уборных».

Были Роз восклицает: «Если в Белом доме нам нужен комик, пусть он будет хотя бы талантливым!».

Вайтин говорит о нем: «Из свиной щетины не свяжешь шелкового кошелька, также из рядового контролера нельзя сделать президента».

Дошло до того, что на ноябрьских выборах в конгресс демократическая партия предложила Трумэну не высказываться за кандидата партии, чтобы не ухудшить их положение. Король был абсолютно гол.

И вдруг чья-то властная рука поддержала его. Оказывается, он еще был нужен. Ведь он так удобен, так послушен, так стоворичен! Нельзя только позволять ему действовать по собственному разумению. У него это не выходит. Тем лучше, — значит, ему можно прямо диктовать.

Так маленький миссисурец нашел своего большого хозяина.

Для заправил с Уолл-стрита Гарри Трумэн есть то, что нужно, — президент, удобный во всех отношениях. Он бесцветен. Тем лучше. Значит, его можно красить в любой цвет. И реакция быстро придала ему свой цвет — черный. Он не

борец, как Рузвельт, не оратор, не мыслитель. Тем лучше. Пусть руководит им Ванденберг, Бирнс, Даллес, Гувер, а речи пусть ему пишет Кларк Клиффорд, молодой человек со светлой пышной шевелюрой и глазами театральные дыны. Пусть Трумэн только читает их списком. Так Гарри Трумэн стал клерком американского империализма.

12 марта 1947 года он обратился с посланием к конгрессу о «помощи» Греции и Турции. Ванденберг немедленно назвал эту программу «национальной политической величайшей важности», «новой американской политикой во всем мире».

Американский империализм обнял свис клыки.

Война принесла американским долларам неслыханные прибыли, но она не дала им аппетита. Она только раздразнила их. Война наложила вместе с тем и некоторые узы, ограничения и даже обязательства. Президентом США был тогда Рузвельт. Сейчас Уолл-стрит нетерпеливо захотел сбросить все и всяческие узы, отказаться от всех и всяческих обязательств. Трумэн послушно стал выполнять волю Уолл-стрита.

Вступая в Белый дом, он торжественно поклялся быть верным курсу Рузвельта. Он окончательно порвал с ним. Он обещал сохранить неприкосновенным кабинет Рузвельта. Он разогнал его. Основной политики Рузвельта был мир после войны. Трумэн стал поджигателем новой войны.

Черчилль не мог победить живого Рузвельта, зато он «заговаривал» Трумэна.

124 года тому назад президент США Джеймс Монро провозгласил: «Америка для американцев». Тогда смысл этой доктрины был: ограждать Америку от европейской вторжения.

Сейчас Уолл-стрит устами Трумэна провозглашает новую доктрину: «Не только Америка, весь земной шар для американцев». Это программа вторжения в мир.

Пасть Уолл-стрита разверзлась жадно. Впервые в истории США на политическую сцену густо выступила военщина. Доллар надел мундир. Государственный аппарат начал милитаризироваться. Дипломатами стали генералы, Генерал Маршалл стал государственным секретарем США, Японией командует генерал МакАртур. В Китай «наводит порядок» поехал генерал Вейдмейер. В Западной Европе хозяйничает генерал Клей.

США стали яростно вмешиваться в европейские дела. Им уже мало своих колоний. Они хотели бы сделать своей колонией весь земной шар. Они помогают греческим бандам, воюющим против турок, раздувают гражданскую войну в Китае, поощряют голландцев в Индонезии, влезают в Италию, вмешиваются в жизнь Франции, грозят странам новой демократии и гравят Советский Союз.

И уже истерически вопит губернатор Мартин: «США должны идти вперед с атомной бомбой в одной руке и со знаком креста в другой».

И уже обмениваются посланиями Гарри Трумэн и папа Пий XII. И глава католиков благословляет багиста Трумэна на новый крестовый поход.

Но поход против мира всегда начинается с похода против собственного народа. Агрессия несомнима с демократией. Разбой несомним с правами человека.

Понукаемый своими хозяевами, Трумэн начинает и этот поход. Поход против американского народа. Против американской демократии. Против профсоюзов. Против самых элементарных свобод американца.

Никогда еще в США не было такой яростной «охоты на красных». Никогда еще черный террор не был в США таким откровенно наглым.

Все передовое объявлено вне закона, все честное и смелое изгнано или посажено в тюрьму. Галантерейщик из Джексона тягнется с лаврами маленького эфрейтора из Монхена.

Этот свой крестовый поход Гарри Трумэн назвал «походом против мирового коммунизма». Не новый вымысел! Так назвали и Крупин — Шредер, выпуска на авиационный бензолятор Гитлера. Так назвали и Минцун — Минцун, популяра молодого Хипокрита. Так начинают теперь и Морган — Рокфеллеры, вытупив вперед «мальчика на посылах».

Человечество знает, как обычно кончаются такие походы!

А пока Гарри Трумэн продолжает усердно служить своему боссу. Кое-чему он научился. Он больше не говорит, как раньше, что не принимает политических решений, не посоветовавшись с женой. Он знает, с кем совестоваться!

Уоллес сказал об окружении Трумэна, о тех, кто стоит за его спиной: «В определении внешней политики вместе с нашим государственным секретарем — военным профессионалом — принимаю участие следующие лица: заместитель государственного секретаря Ловетт — бывший компаньон банковской фирмы «Браун Бразер энд Гарриман», помощник государственного секретаря Солтман — бывший вице-президент нью-йоркской биржи, американский посол в Англии Дуглас — председатель правления крупной страховой компании «Мьюэлз лайф иншуренс». Затем среди этих людей мы видим Джеймса Форрестала — руководителя банковской фирмы «Диллон Рид» с Уолл-стрит, министра торговли Гарримана — председателя компании «Браун Бразер энд Гарриман», министра финансов Свайндера — банкира из Сен-Луи. Еще один представитель фирмы «Диллон Рид» — генерал майор Дрейлер, только что вернувшийся из Вьетнама.

Генерал Рид, чтобы занять пост помощника военного министра. Даже руководителем Международного банка является республиканец Уолл-стрит Маккойл. При нынешнем правительстве Уолл-стрит готовится управлять миром».

Как комиссар Уолл-стрит Гарри Трумэн развязает по американским странам, притворно уважая бразильскую нефть и провозносит речи. В его речах попржему еще много постыного ханжества, но все больше и больше злобного рычания. В его скрипящем голосе уже слышатся скрип военных колес.

Но, странное дело, — не силой веет от этих речей, не мощь диктует эти грозные слова, а страх. Страх перед грядущим миром. Страх перед грозно надвигающимся кризисом. Страх перед собственным народом, перед демократией, перед народами мира, победившими фашизм и не желающими его американского перенесения.

Страх и злоба — вот что звучит в речах Трумэна. Страх, несмотря на стонущую бомбу, Вессинде, несмотря на доллары. Никто не может предотвратить неотвратимое. Никто не может остановить солнце застрявшего дня. Здесь бесстыдные и хвостые «мальчики на посылах».

И, пожалуй, самым ярким выражением исторической бездарности американского империализма как раз и является фигура того, кого Уолл-стрит провозгласил своим апостолом, — фигура Гарри Трумэна, маленького человека в коротких штанах.

Лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР скульптор Фуад Абдурахманов заканчивает памятник великому азербайджанскому поэту Низами. Памятник высотой 6,5 метров будет установлен в центре города Баку. На снимке: скульптор Ф. Абдурахманов (слева внизу) за работой. Фото Е. Халдеев.

Л. КОСТИН

Чужой концерт в чужом лесу

Это было... Впрочем, с самого начала не мечаются расхождения в этом вопросе. В первом случае автор утверждает, что:

«Это было в сыром луночном лесу. Рассказал нам экран про чужую красу».

Второй же автор настаивает только на месте встречи (лес), не оговаривая точного времени:

«Нам давали концерт на поляне в лесу. Пела скрипка про чью-то чужую красу».

С неопровержимой точностью устанавливаем только, что «краса» во втором случае явно «чужая». Но что же происходит в этом лесу далее? Первый автор утверждает, что его «замокская» леди «с маленьким гротом, тоскует на экране потому, что:

«Без нее в Трафальгарском бою умирал Ее славный любовник, лхой адмирал».

У второго автора дело обстоит не так трагично: его героиня, «в длинном платье певича», только вспоминает своего любовника.

Он на фронте, должно быть, как мы, воевал И о женщине этой в лесах тосковал».

Словом, как бы то ни было: В старом Брянском лесу, у могучих дубов Улыкался бойцы про чужую любовь. И запели бойцы о своей дорогой,

да так громко запели, что герои второго автора

... на поляне, в осеннем лесу Разом вспомнили милых родную красу».

«И хогелось им (первым. — Л. К.) петь все нежной и грустной» еще и потому, что у них были исключительно внимательные слушатели, готоме:

«Слушать грустную, нежную песню без конца! — Что за чепуха! — восклицает читатель. — Зачем цитировать в развитии вариации одного и того же стихотворения, с одинаковым настроением, совпадающей строфической схемой, образами и даже рифмами. Минуточку терпелив! Мы цитируем двух поэтов. Опубликованы свои стихи они в разное время».

Строки, выделенные нами жирным шрифтом, взяты из стихотворения «Леди Гамильтон», принадлежавшего перу Павла Антокольского. Стихи были опубликованы в журнале «Знамя» № 1—2 за 1944 г. Строки, напечатанные обычным шрифтом, взяты нами из стихотворения «Концерт в лесу» молодого ленинградского поэта Сергея Орлова. Напечатаны в его первой книге стихов «Третья скорость» (Ленинград, 1946 год). Студка взял их автор? Вопрос, как говорится, полузагадочный...

У молодых поэтов, в «жаждущих в литературу на «третьей скорости», оказывается, возможны такие «мелочи», как повторение чужих стихов. Но как не заметил редактор книги М. Дудин, что «Леди Гамильтон» значечала в чужих стихах? Как пропустил он этот «концерт» в чужом лесу?

М. ИСАКОВСКИЙ

Посылает ли министр связи книги по почте?

Многие десятки моих читателей обращаются ко мне с просьбой прислать либо иную мою книгу, а то и просто какую-нибудь другую книгу. Я считаю эти просьбы вполне закономерными и, по возможности, стараюсь их удовлетворить, если не полностью, то хотя бы частично. Я знаю, что тяга к книге у нас огромна, но что книг, в особенности на местах, все еще не хватает, несмотря на все увеличивающиеся тиражи их.

Просьбы о присылке книг получают и многие другие наши писатели. И они также не оставляют их без ответа.

Но дело, разумеется, не в одних только писателях. Бандероли с книгами, журналами, газетами, адресованные знакомым, друзьям, родственникам, посылают люди самых различных категорий населения нашей страны. Только одна Москва отправляет многие тысячи таких книжных бандеролей.

Нетрудно понять, что в данном случае делается очень большое, очень нужное и полезное культурное дело. Книга идет туда, где в ней больше всего нуждаются, где ее трудно достать.

Казалось бы, что нужно всячески поощрять посылку книг и уж во всяком случае надо было до предела упростить технику их отправки.

Однако Министерство связи Союза ССР, по всей видимости, имеет на этот счет совершенно другое мнение. Оно работало такие правила для отправки бандеролей, что у многих граждан, несомненно, сразу же отпала охота иметь дело с почтовыми отправлениями этого рода. (Заметим в скобках, что до войны эти правила не было. Были другие — более простые и удобные).

Представьте, что вам надо послать книгу. Вы обертываете ее бумагой, заклеиваете, пишете адрес и несете на почту. Там вы становитесь у окошечка и ждете. Когда наступает ваша очередь, почтовый работник вам заявляет, что ваша бандероль не годится. Ее нужно переделать.

Во-первых, запечатать книгу надо наглухо, чтобы ее совсем не было видно (но заклеивать бандероль при этом нельзя,

С. НЕЗНАНОВ

Неуважение к родной науке

Московская академия имени Тимирязева является переклассным высшим учебным заведением нашей страны. Ее профессора и преподаватели подготовили тысячи высококачественных специалистов для социалистического сельского хозяйства. Имя «Тимирязевца» пользуется широкой известностью и любовью в массах колхозников.

Тимирязевец призван нести в наше сельское хозяйство живительную силу советской науки.

Он должен быть вооружен не только полными современными знаниями в области той или иной специальности, но и воспитан в духе гордости за отечественную науку, ибо она — самая передовая наука в мире.

Но, к сожалению, система преподавания в Тимирязевской академии, как и в других высших учебных заведениях, еще далеко не совершенна.

Во многих учебниках, программах и учебных пособиях, предназначенных для студентов Тимирязевской академии, нашей отечественной науке уделяется недостаточное внимание, и тем самым волю или неволю принижается ее роль в развитии мировой науки. Программы и учебники претят десятками западных имен, а ученые нашей родины либо не упоминаются вовсе, либо о них говорится с такой «скупостью», что создается впечатление, будто русские ученые были только учениками западноевропейских ученых. В программе по физике названо много иностранных исследователей и, как это ни странно, не упоминается ни одного русского имени. А ведь известно, что физику, как науку, нельзя представить без работ В. Петрова, Э. Ленца, Б. Якоби, П. Лебедева, А. Столетова и других имен.

Так же нельзя представить и современной физики без научных открытий советских ученых Л. Мандельштама и Г. Ландау, открывших новое оптическое явление — «комбинированное рассеяние света»; молодого физика П. Черенкова, внесшего много принципиально нового в учение о свете, и других деятелей советской науки.

Ни в программе по физике и, что еще более досадно, ни в программе по неорганической химии не только ничего не говорится о научных открытиях М. В. Ломоносова, но даже не упоминается его имени!

А ведь известно, что Ломоносов впервые в истории науки доказал сохранение вещества при химических превращениях, он разработал атомистическую теорию газа, был создателем новой важной науки — физической химии.

Но какое дело до этого авторам программ? Они так поглощены заграничей, что своих отечественных ученых, даже таких кофидея, как Ломоносов, не замечают.

В программе по химии с такой же старательностью, как и в программе по физике, обходят научные открытия советских химиков.

Непонятно и то, почему в программе по зоологии не упоминаются блестящие работники К. Бэра, А. Ковалевского и И. Мечникова по эволюционной эмбриологии. Наконец, почему программа по физиологии сельскохозяйственных животных не ставит перед собой задачу ознакомления студентов с перекрестной теорией академика Баха?

Явная неадекватность отечественной науки и низкокочество, перед западноевропейскими авторитетами обнаруживаются не только в программах, но даже и в наиболее удачно составленных учебниках.

Говоря о великих научных открытиях Тимирязева, нельзя обойти молчанием борьбу, которую ему пришлось вести на протяжении четверти века с немецкой школой физиологов в лице Сакса и Пфеффера. Эта борьба представляет собой замечательную страницу в истории развития нашей отечественной науки, ибо здесь прогрессивное, материалистическое направление в физиологии, противопоставлялось реакционному идеалистическому, возглавляемому Саксом.

Борьба реакционной науки против Тимирязева имеет не только историческое значение, она приобретает актуальный характер, так как современные американские реакционеры от науки, вроде Дарлингтона, и ныне продолжают злобные, клеветнические выступления против великого русского ученого, пытаясь вычеркнуть его имя из истории науки. Однако, несмотря на все это, профессор Максимов, отмечая большое значение работ Сакса в развитии учения о фотосинтезе, ни словом не обмолвился об этой борьбе.

Святая обязанность профессоров и преподавателей академии — во всей полноте раскрыть перед учащимися великую творческую силу науки нашей родины. Нельзя воспитывать студенчество в духе низкопоклонства перед заграничей. Учебники должны всесторонне и глубоко освещать открытия ученых нашей страны, а программы должны требовать исчерпывающего знания студентами этих открытий.

Не пора ли Министерству высшего образования всерьез заняться этой работой?

Святая обязанность профессоров и преподавателей академии — во всей полноте раскрыть перед учащимися великую творческую силу науки нашей родины. Нельзя воспитывать студенчество в духе низкопоклонства перед заграничей. Учебники должны всесторонне и глубоко освещать открытия ученых нашей страны, а программы должны требовать исчерпывающего знания студентами этих открытий.

Не пора ли Министерству высшего образования всерьез заняться этой работой?

Святая обязанность профессоров и преподавателей академии — во всей полноте раскрыть перед учащимися великую творческую силу науки нашей родины. Нельзя воспитывать студенчество в духе низкопоклонства перед заграничей. Учебники должны всесторонне и глубоко освещать открытия ученых нашей страны, а программы должны требовать исчерпывающего знания студентами этих открытий.

Не пора ли Министерству высшего образования всерьез заняться этой работой?

Святая обязанность профессоров и преподавателей академии — во всей полноте раскрыть перед учащимися великую творческую силу науки нашей родины. Нельзя воспитывать студенчество в духе низкопоклонства перед заграничей. Учебники должны всесторонне и глубоко освещать открытия ученых нашей страны, а программы должны требовать исчерпывающего знания студентами

Как меня встретили в „свободной“ Америке

Александр КОРНЕЙЧУК

Когда меня пригласили в Америку — на Славянский конгресс, я с радостью согласился. Мне, советскому писателю, хотелось познакомиться с жизнью и бытом великой заокеанской страны, передать американскому народу сердечные приветствия от моей великой Родины.

Как только в США стало известно о приезде советской делегации, на мое имя стали приходить многочисленные телеграммы — различные общественные организации просили быть их гостем, выступить с докладом о советской литературе.

На все приглашения я ответил согласием. Мне хотелось встретить возможно больше людей, послушать их и рассказать им правду о нашей Родине.

Из Москвы мы вылетели самолетом через Берлин и Лондон. Два дня спустя теплоход «Кунин Мэр» взял курс на Нью-Йорк. Мне очень хотелось увидеть Америку с океана, — окутанные дымкой тумана небоскребы великого города и знаменитую статую Свободы, знакомую мне только по американским фильмам. Но в пути капитан теплохода получил радиопрограмму, сообщавшую, что в Нью-Йорке забастовали портовые рабочие. Нашему теплоходу пришлось изменить курс. Он пошел в канадский порт Галифакс.

Из Галифакса в Нью-Йорк мы поехали поездом.

Около Гостиницы, в которой мы должны были остановиться, собралось несколько тысяч американцев. Они хотели встретить нашу делегацию на вокзале, много раз, но безуспешно, справлялись по телефону, когда придет наш поезд. Так, из-за исключительной «точности» американской железной дороги расстроилась встреча советской делегации.

На утро меня пригласили в советское консульство. Меня ждало там много писем. Из различных общественных организаций звонили по телефону — просили выступить у них. «Если вы примете все приглашения, вам придется выступать в течение двух месяцев каждый день», — сказала мне ко-суд. — Я понимаю, что это очень большая нагрузка, но одна организация постаралась оградить вас от выступлений».

Столь трогательную заботу обо мне проявил департамент юстиции. Сей департамент еще за несколько дней до моего приезда прислал на мое имя письмо, в котором предупреждал, что если я не зарегистрируюсь как агент иностранной державы и не дам... отпечатка моих пальцев, то меня привлекут к уголовной ответственности.

Такое же письмо пришло на имя Ванды Василевской, которая собралась приехать вместе с нами.

Нет, не может быть! Американцы, с которыми я встречался в дни войны в Москве, много рассказывали мне об американской демократии. Они приглашали меня в свою страну, подчеркивая, что я буду там желанным гостем. Они хвалили мою пьесу «Миссия мистера Перкинса», называли ее произведением, помогающим взаимопониманию и сближению наших народов.

Я вновь перечитываю письма: «Дорогой мистер Корнейчук. Литературное собрание состоится в понедельник вечером...» Председателем... будет профессор Кулмбийского университета Эрнест Дж. Симпсон.

У нас выступят три американских оратора, передовые люди в области литературы, что Ваша речь с трагической забьет приблизительно час. Останется час для вопросов и обсуждения...»

«Дорогой доктор Корнейчук. Приглашаем Вас принять участие в одной из замечательнейших конференций, которая открывается в Принстонском университете.

Принстонский университет, как Вам, вероятно, известно, празднует в 1946 году свое двухсотлетие... Одно из шести наших собраний Вам будет особенно интересно, — главная его тема — гуманные традиции будущего века. Ваше присутствие доставит Комитету «Гуманитарных традиций» особое удовольствие и укрепит нашу веру в то, что эта конференция утвердит культурную веку в прогрессе американского образования.

Искренне Ваш Дональд А. Стауффер, директор Конференции «Гуманитарных традиций будущего века».

«Гуманитарные традиции будущего века! Как это благородно звучит! Но вот передо мной черным по белому, по-американски деловито, коротко и ясно написано — зарегистрируйтесь как агент, иначе мы вас посадим в тюрьму, сделайте отпечатки ваших пальцев, иначе в тюрьму. А если вы зарегистрируетесь и попутно где-нибудь выступите, то к вам немедленно подойдет молодойчик из полиции: «Послушайте, вы агент иностранной державы, полицейская карета подана».

Раздался звонок. Консул взял трубку: — Вас спрашивают. Просят, чтобы Вы выступили завтра...

— Нет, — перебил я, — дайте мне машину. — Куда вы собираетесь ехать? — Хочу увидеть статую Свободы.

Через полчаса я был в порту. Далеко, вдали от Америк, стояла статуя Свободы. На набережной сотни моряков; они отсчитывали шаги вперед, десять шагов назад. В руках у каждого щит, на котором написано: «Мы бастуем, мы требуем человеческих условий жизни».

Вечером в зале «Медисон-сквер-гарден» собралось двадцать тысяч человек.

Когда наша делегация вошла на трибуну, все встало, горячо приветствуя гостей Советской страны. В эти волнующие минуты мы забыли о письмах департамента юстиции. Мы увидели, мы почувствовали, что самая разнузданная клевета на Советский Союз не может поколебать великий авторитет советского народа в глазах американского народа. Когда председательствующий прочитал приветственную телеграмму товарища Сталина Славянскому конгрессу, то казалось, рушатся стены от оваций и возгласов двадцатитысячного митинга. Мы пережили незабываемые минуты.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

После представления департамента юстиции я сообщил всем общественным организациям, просившим у них выступить, что так как по законам американской демократии гостей из Советского Союза за выступления собираются посадить в тюрьму, то в силу этих, не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден с сожалением отказать от любезных приглашений.

Свою деятельность в Америке я ограничил тем, что на митингах в Нью-Йорке и других городах передвигая в трехминутном выступлении сердечный привет американскому народу от советского народа и благодарности за помощь в дни войны с фашизмом.

Я решил подчиниться законам страны, в которой я нахожусь. Ведь за привет и благодарность, как говорит народная поговорка, не судят. Однако произошло наоборот. Я получил еще одно грозное письмо: «...департамент юстиции написал вам, чтобы Вы обязательно зарегистрировались как иностранный агент. Причем вам предложили сделать это немедленно во избежание привлечения в принудительном порядке...»

А через два дня пришло третье письмо, в котором меня предупреждали, что, соответственно закону, я нахожусь под угрозой двух лет тюрьмы и тысячи долларов штрафа.

Мне стало, мягко выражаясь, несколько душно в «свободной» Америке, и я решил немедленно улечь домой.

Перед отъездом мы поехали в Гайдпарк — возложить венок на могилу Франклина Рузвельта. Мы склонили головы перед прахом великого сына американского народа, чьи идеалы современные правители Америки похоронили в день его смерти. Нас пригласили осмотреть дом, в котором жил покойный президент, и музей. В музее собраны подарки, преподнесенные Рузвельту почти из всех стран мира. На стенах множество фотографий: Рузвельт награждает американскими орденами солдат и офицеров союзных армий. Но нет ни одной фотографии, где президент награждает бы советских летчиков, моряков. На центральном месте фотографии — Рузвельт и Черчилль, но не фотографии — Рузвельт и Сталин. Ничего, что напоминало бы о великом союзе Америки в борьбе с фашизмом — о Советском Союзе.

Я спросил служителя музея: — Почему нет фотографий Рузвельта и Сталина? Ведь их исторические встречи известны всему миру.

Он ответил: — Вначале были, но потом почему-то их сняли.

И покосился.

Даже в такой святыне американского народа, как музей Рузвельта, грязные лапы американских фашистов уничтожили все, что отражало самое лучшее, самое великое в истории свободной и независимой нации в дни величайших испытаний.

Ни угрозы департамента юстиции, ни распространяемая по моему адресу отбеленная клевета реакционных газет не могли так оскорбить меня в «свободной» Америке, как чудовищная фальсификация истории в музее Франклина Рузвельта.

Но было бы несправедливо говорить о полном отсутствии «свободы» в современной Америке. Я видел демонстрацию в Нью-Йорке, в центре города. Это были польские фашисты. В передней колонне двигались грузовые автомобили. На нем стояла женщина в белом платье с терновым венком на голове. Около нее сидели загримированные толстопузые господа в наручниках, одетые в рубища. Они изображали польских крестьян, а женщина — белом — Польшу. Против женщин стоял молодойчик в красочнейшей форме, незлобно загримированный под Кузюму Крючкову. Он держал штык у груди женщины. Над автомобилем — транспарант: «Спасите Польшу от большевиков».

Десятки оркестрантов гремели на весь Нью-Йорк. Оркестранты, одетые в польские национальные костюмы, поднимали невероятный шум. Конные и пешие полицейские охраняли демонстрацию, направляющую против Советского Союза, против польского демократического правительства.

Надписям на транспарантах позавидовал бы Геббельс.

Все это происходило с ведома американского правительства, охранялось и оплачивалось.

Иместе с польскими фашистами шли и американские хозяева. Они широко улыбаясь, похлопывая по плечу своих лакеев. Интересно, на чью зачетку и на чье покровительство могли бы рассчитывать десятки тысяч польских рабочих Детройта, — их делегация просила меня передать самый горячий привет новой Польше, ее правительству и народу, — если бы они вышли на демонстрацию в честь города любимой ими, великой и свободной родины — Польши.

Таковы сегодняшние порядки в «свободной» Америке. Так встречают там писателей, представителей народа, сражающегося рука об руку с американским народом за мир, демократию и свободу.

Таковы сегодняшние порядки в «свободной» Америке. Так встречают там писателей, представителей народа, сражающегося рука об руку с американским народом за мир, демократию и свободу.

Таковы сегодняшние порядки в «свободной» Америке. Так встречают там писателей, представителей народа, сражающегося рука об руку с американским народом за мир, демократию и свободу.

В колхозе-миллионере имени Кирова Винницкой области — большой праздник. Убран богатый урожай. Колхозники свято выполнили слово, данное И. В. Сталину. С каждого гектара озимых они намолотили по 120 пудов зерна. Досрочно выполнен план хлеба-сдачи и натуроплат.

Этот день колхозники отметили традиционным народным праздником «Общинки». Следуя обычаю, они подарили своим руководителям венки из колосьев и цветов.

На снимке: председатель колхоза П. Бойко и секретарь колхозной партийной организации депутат Верховного Совета Украинской ССР С. Козытк с венками.

Фото Е. Копыта.

А. РАСКИН Гений и злодейство

Нет такого жанра в литературе, о котором не было бы сказано, что он особенно труден. Один говорил в таком духе о драме, другие — о романе, третьи — о рассказе. Каждое из этих утверждений справедливо для того времени, когда оно было высказано. Развитие литературы не представляет собою линейного движения, при котором все жанры шагают в ногу и держат равнение в шеренге.

В наши дни в советской литературе «вырались» вперед повесть и роман. Рассказ в последние два-три года не разделяет этих успехов. Жанр этот, судя по нашим журналам, оказывается в настоящее время труднейшим.

Именно поэтому с особой радостью отмечая напечатанный в восьмой книге журнала «Звезда» рассказ С. Антонова «Вена».

Рассказ ведется от первого лица и является лирическим монологом героини — молодой колхозницы Ниши. Это — история любви. Чистое и неопытное чувство ищет отзвуча и не решается назвать себя, оно и доверчиво и стыдливо. Был в деревне озорный и, как сказано о нем, «несомысловый» паренек Вася. «...Забирался на крышу крестной моей, кричал в трубу страшные слова, ровно домовую. Крестная тогда у печи стояла, так чуть ума не решила...» Ниша в то время была еще девочкой. Мимовола война. В деревню перудела не Вася, а Василий Карпович — серьезный, деятельный человек.

А Ниша теперь уже работница в колхозе, комсомолка и званая. Василий Карпович — новый председатель — строг, принципиен, Озобонный, требовательный, он не может заметить того нежного и безмолвного чувства, которое живет в душе девушки. Но именно этому строгому, деловому отдающему общему колхозному делу, все больше и больше любит Ниша...

В этом ли одном содержании рассказа? Нет. Ведь история любви влетела в какую-то ткань, а ткань эта — трудовая жизнь деревни, борьба колхозников за урожай. Социализация званья, передовая роль комсомольцев, производственный опыт современной советской деревни — все это реально представлено в рассказе.

Но и это — не окончательный итог. Социалистические отношения между людьми — вот что, пожалуй, составляет самую важную суть рассказа. Он рисует нам семейно-личное отношение, в которой люди и не мыслят себя вне колхоза, в которой уже действует новое поколение, не знавшее другого уклада, а рядом с ним колхозники старой — люди, когда-то строившие колхозы и успевшие в нем стариться. Крестные в рассказе С. Антонова живут общественной жизнью, как личной; об этом нигде не говорится прямо, но вы видите, что для них понятия «мое» и «ваше» слились воедино.

Только что вышедший из печати сборничек стихов Василия Захарченко «С открытым сердцем» (изд. «Молодая гвардия», 1947) способен, кажется, породить всевозможные сомнения — людям, молодым, искренним и мужественным голос. Здесь стихи военных и послевоенных лет, но, по существу, это стихи одной темы: Наступают...

Быть в работе снова... Победать... Это наш удел! Герой этой поэзии — творческий человек. Таков он и в пору войны, и в мирные годы. Ему дана сильная любовь к жизни и готовность к трудовому подвигу. Вот строки из стихотворения «Друзьям, не вернувшимся с войны»:

Мы вышли на дощечки просторы... Уже по дощечкам чертежам Построены высотные моторы...

Вспомните, как в пору войны, и в мирные годы. Ему дана сильная любовь к жизни и готовность к трудовому подвигу. Вот строки из стихотворения «Друзьям, не вернувшимся с войны»:

Мы вышли на дощечки просторы... Уже по дощечкам чертежам Построены высотные моторы...

Мы вышли на дощечки просторы... Уже по дощечкам чертежам Построены высотные моторы...

Мы вышли на дощечки просторы... Уже по дощечкам чертежам Построены высотные моторы...

Литературное обозрение

Уже встают, чуть видимые нам Сквозь стирку трудовую пелену, Грядущего жизни ситуации В просторах оселительного света... На труд мы вышли, на труд мы вышли, на труд мы вышли, на труд мы вышли...

В стихах Василия Захарченко чувствуется временная неопытность, акус ему нередко изменяет, однако это поэзия молодая и талантливая.

В этом месяце редакция «Знамени» поставила в некотором смысле рекорд: сентябрьская книжка вышла в свет уже 1 сентября. Достойный подражания пример! Журнал дает читателю разнообразный и в большинстве интересный материал. Правда, основной отдел журнала — отдел художественной прозы, который так часто раздает нас и в настоящем и в прошлом году, — в 9-й книге «Знамени», скажем прямо, не блещет. Он представлен лишь записками Героя Советского Союза Г. Паньковского о боевых действиях на первых рубежах Отечественной войны летом 1941 года. Это — тот род мемуарной литературы, который последовательно и с успехом культивируется редакцией «Знамени». Воспитательное и познавательное значение подобных произведений весьма велико. В лучших своих образах эта литература достигает силы и значения художественной прозы.

О «Записках офицера» Г. Паньковского этого, однако, нельзя, тут нет открытий, они не много прибавляют к тому, что мы знаем о советском человеке в дни войны.

Гораздо богаче другие отделы журнала. Здесь обращает на себя внимание талантливый очерк Евгения Кригера «Наша Москва», написанный в острой и увлекательной форме, публицистическая работа М. Гуса «Преступная игра» — об империалистической политике англо-американской реакции.

Журнал дает также несколько критических статей. Об одной из них, по-моему крайне неудачной, следует сказать.

Критик П. Бевезов, разбирая повесть С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», стремительно упрощает свою задачу. Должна быть, «для ясности», как любит говорить один из персонажей Бабаевского, он делит всех действующих лиц на «ложительных» и «отрицательных», а затем, пользуясь простым арифметическим приемом вычитания, устанавливает, что «ложительных» из первого плана меньше, чем «отрицательных». Из этого он делает вывод об «одиночестве» Сергея Тугаринова — главного героя повести и действительного героя по всем его поступкам.

Давно известно, что схематизм — смертельный яд не только для пишущих повести, но и для тех, кто пишет критические статьи. К выводу об «одиночестве» Тугаринова П. Бевезов мог прийти, только отказавшись от рассматриваемой повести, как живого целого. Он не принимает во внимание, что жизнь в ней дана в движении, в развитии, означающем преодоление отсталого передовым, отжившего — новым.

Тезис о том, что «Тугаринов иногда кажется одиноким, во всяком случае, действующим без крепких союзников», — главный критический тезис П. Бевезова — опровергается всем содержанием повести. Для «своих» начинаний Тугаринов находит твердую опору и горячую поддержку со стороны сотен колхозников, под его руководством они совершают настоящие подвиги. Повесть С. Бабаевского рисует как раз противоположное тому, что усмотрел в ней П. Бевезов — не одиночество героя, а самые благоприятные условия для применения таланта и энергии человека на большом общественном деле.

С. НАГОРНЫЙ

А. МАКАРОВ Наша новая проза

Послевоенный период в жизни советского общества отмечен духом стремительного созидания нашим народом новых материальных и духовных ценностей. Этим боевым духом, упорным и неистощимым, проникнуты все области нашей повседневной действительности, от массового внедрения в жизнь новых методов труда до создания большой литературы.

Внимательно глядящая в быстротекущий поток советской литературы, трезво оценивая ее недостатки, нельзя не увидеть, что литература наша обогащается с каждым днем.

Становление художественной прозы, как ведущего жанра, — это очевидный признак творческой зрелости нашей литературы.

Послевоенный рост прозы обусловливается не только интенсивной работой писателей старшего поколения (романы А. Фадеева, П. Павленко, И. Эренбурга, К. Федина), но и приходом в литературу большого отряда молодых прозаиков, появлением в ней не известных ранее имен (В. Панова, П. Бершгера, Б. Полевого, В. Некрасов, Э. Казакевич, М. Бубеннов, Г. Березко и многие другие). Родлению новых кадров, равно как и плодотворному оживлению творческой активности писателей старшего поколения, способствовали исторические решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Они явились побудительным стимулом к дальнейшему развитию нашей литературы.

Очень радует широта охвата новой прозой различных сторон современной действительности. Вспомните повесть «Счастливый случай» в Великой Отечественной войне, их борьба против немецких захватчиков на фронте и во вражеском тылу («Молодая гвардия» А. Фа-

дева, «Люди с чистой совестью» П. Вершгера, «Спутники» В. Панова, «Буря» И. Эренбурга, «Белая береза» М. Бубеннова и многие другие произведения, уже оцененные массовым читателем; восстановление народного хозяйства, послевоенная колхозная деревня, ее новые люди, новые методы труда («Счастливый П. Павленко, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Камениный бор» Г. Фина и др.); пробуждение к исторической деятельности народов, обреченных капитализмом на вымирание («Аллитер ухидит в горы» Т. Семушкина, «Ниссо» П. Лукницкого); жизнь советского студента и научной интеллигенции («Университет» Г. Коновалова) — такой неполный перечень затронутых нашей литературой в послевоенные годы. Конечно, этот круг вопросов далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия нашей жизни, но появление этих книг подчеркивает утверждающуюся в советской литературе традицию активного творения по все стороны бытия.

Нельзя не заметить и богатства художественных индивидуальностей, украшающих литературу последних лет: кто из читателей не был порадован появлением таких самобытных талантов, как В. Панова, с ее умением глубоко проникнуть в психологию простого советского человека, раскрыть благородство его души; как Э. Казакевич, уловивший глубокую поэзию обаятельной фронтовой жизни, вносимую в эту жизнь советским человеком; как романтики и публицисты А. Гончар. Читатель узнает новые черты и в привычной манере уже известных писателей. Так, в романе И. Эренбурга «Буря» наряду с характерной для этого писателя напряженной остротой изображения буржуазного мира, видно его стремление к реалистиче-

ской полноте и политической глубине в изображении жизни. В новом романе П. Павленко писатель блестяще преодолевает свойственный ему ранее известной схематизм в обрисовке характеров и создает живые, полнокровные образы советских людей. Глубокие качественные изменения произошли в самом существе художественной прозы.

Создание образа положительного героя является тем главным новым словом, которое сказала советская литература в течение первых десятилетий своего существования. Однако именно разглядеть этого героя в каждом человеке нового советского общества — строители социализма, большевики.

В годы Великой Отечественной войны лучшие качества передовых советских людей — патриотизм, готовность до конца сражаться за интересы своего народа, за свободу и независимость Родины, вера в торжество дела социализма — стали достоянием миллионов.

Массовый героизм, проявленный советскими людьми в годы войны на фронте и в тылу, свидетельствовал о массовом рождении в нашем обществе людей с новой социальной психологией, людей новой коммунистической морали.

Отсюда — массовое появление положительного героя в литературе. Читая о людях, подвигавшихся в романе «Молодая гвардия», или Воропаеву в «Счастливый П. Павленко, или лейтенант Травник в «Звезде» Э. Казакевича, мы чувствуем, что эти герои не одиночки, что их черты присущи миллионам советских людей.

Положительный герой в современной литературе выступает как человек, наиболее полно впитавший в себя благородные качества всего советского народа, и потому он типичен для многих других, ибо в той или иной мере эти качества свойственны и остальным героям. Положительным героем «Счастливый Воропаев, но положительными являются и председатель колхоза Цимбал и молодая чета Поднебеко, уч-

ный вынодел Широкогор, при всем индивидуальном различии их характеров.

«Война», — говорил И. В. Сталин, — устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, — разглядите их внимательно и воздайте им по их делам». Война для нашего народа была не только проклятием, в ней он проверил все свои силы и вышел из испытаний уверенным в правильности своего пути, с полным сознанием своего советского превосходства.

В послевоенной литературе это явилось свое отражение в той смелости и решительности, с какой она ставит вопросы нашей жизни, утверждает идейную высоту и нравственное благородство характера советского человека. Она стала более активной и в своей борьбе со всем тем, что мешает нашему обществу и нашему человеку в его совершенствовании. Кого из нас не увлекла смелость, с которой А. Фадеев первым заговорил в «Молодой гвардии» об отдельных недостатках наших организаций и наших людей. Разве не замечательна та суровая прямота и правдивость, с которыми молодой писатель М. Бубеннов рисует в своем романе «Белая береза» все обстоятельство, сопровождающее оставление нашей армией отдельных районов страны. С такой прямотой и правдивостью говорят о недостатках могут только люди, до конца уверенные в силе своего государства и в силе народа.

Для советского писателя несомненно решающая победа коммунистической правдивости в душах людей, несомненно, что весь народ в целом все больше становится социалистом не только по разуму, но и по чувству. Тем более возмущают его темные пятна прошлого в человеческой душе.

Для нашей новой прозы характерны страстная влюбленность писателя в новые ка-

чества советского человека, активное стремление помочь человеку освободиться от того, что угнетает его изнутри, что мешает его свободному развитию и росту. Нельзя наблюдать благородные качества характера нашего человека, не удивляться и не восторгаться ими. Этим и объясняется та романтическая приподнятость и вдохновенный лиризм, которыми отмечены лучшие произведения послевоенной литературы. Как бы ни парадоксально звучало утверждение, что большая реалистическая трезвость и правдивость изображения способствуют утверждению романтического начала в нашей литературе, оно доказано всеми опытами послевоенной прозы, и это явление лиризм раз подчеркивает особенность нашего социалистического строя. Романтика возникает в нем на почве реальной действительности, и она становится неотъемлемой для каждого художественного произведения, составляя его возвышающее начало.

В нашей литературе создаются образы большого воспитательного значения. Отбираются лучшие качества и чувства советского человека, раскрывая истинную сущность его, писатели создают живые, ярко индивидуальные и типические характеры, подобные Тюленину, Громовой, Белову, Лопухову, Воропаеву, свидетельствующие, что «коллектив создает человека совершенно иной индивидуальной психики, более активной, стойкой и черпающей волю к действию, волю к строению жизни из воли коллектива» (М. Горький). Эти художественные образы помогают советским людям осознать себя, вызывают в каждом хорошую зависть, желание подражать, вселяют уверенность в реальной возможности стать лучше, возвыситься душой, указывают реальные пути к этому.

Как правильно раскрываются в лучших современных произведениях эти пути в общности с коллективом, в непосредственном участии человека в создании народом новых форм жизни. В процессе этой творчества создается величественная красота

литературной прозы, активное стремление помочь человеку освободиться от того, что угнетает его изнутри, что мешает его свободному развитию и росту. Нельзя наблюдать благородные качества характера нашего человека, не удивляться и не восторгаться ими. Этим и объясняется та романтическая приподнятость и вдохновенный лиризм, которыми отмечены лучшие произведения послевоенной литературы. Как бы ни парадоксально звучало утверждение, что большая реалистическая трезвость и правдивость изображения способствуют утверждению романтического начала в нашей литературе, оно доказано всеми опытами послевоенной прозы, и это явление лиризм раз подчеркивает особенность нашего социалистического строя. Романтика возникает в нем на почве реальной действительности, и она становится неотъемлемой для каждого художественного произведения, составляя его возвышающее начало.

В нашей литературе создаются образы большого воспитательного значения. Отбираются лучшие качества и чувства советского человека, раскрывая истинную сущность его, писатели создают живые, ярко индивидуальные и типические характеры, подобные Тюленину, Громовой, Белову, Лопухову, Воропаеву, свидетельствующие, что «коллектив создает человека совершенно иной индивидуальной психики, более активной, стойкой и черпающей волю к действию, волю к строению жизни из воли коллектива» (М. Горький). Эти художественные образы помогают советским людям осознать себя, вызывают в каждом хорошую зависть, желание подражать, вселяют уверенность в реальной возможности стать лучше, возвыситься душой, указывают реальные пути к этому.

Как правильно раскрываются в лучших современных произведениях эти пути в общности с коллективом, в непосредственном участии человека в создании народом новых форм жизни. В процессе этой творчества создается величественная красота

